

³⁹ Так, если в 1940 г. видовая урожайность по зерну составила 12.9 ц с 1 га, то фактическая – 10.6 ц; в 1943 г. соответственно – 8.3 и 4.3 ц. Видовая урожайность по картофелю в 1940 г. равнялась 101 ц, фактическая – 78.9 ц; в 1943 г. соответственно – 100 и 52.3 ц. (ГА РМЭ, ф. Р-644, оп. 3, д. 109, л. 56).

⁴⁰ Подсчитано по данным табл. 1.

⁴¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 123, д. 421, л. 38.

⁴² Подсчитано по данным табл. 1. В целом по стране см.: *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 444.

⁴³ ГА РМЭ, ф. Р-542, оп. 2, д. 173, л. 49.

⁴⁴ Подсчитано по: ГА РФ, ф. А-310, оп. 1, д. 3435, л. 9, 11, 12; д. 3459, л. 31, 39, 43.

⁴⁵ *Анисков В.Т.* Указ. соч. С. 188.

⁴⁶ Рассчитано по: ГА РФ, ф. А-310, оп. 1, д. 3435, л. 9.11, 12; д. 3459, л. 31, 39, 43. В целом по стране см.: *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 210.

⁴⁷ ГА РМЭ, ф. Р-661, оп. 1, д. 132, л. 8; ф. Р-542, оп. 2, д. 319, л. 145.

⁴⁸ Подсчитано по данным табл. 2.

⁴⁹ *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 318.

⁵⁰ Подсчитано по данным табл. 3. В 1944 г. по показателям годовых отчетов картофеля было выделено в счет натуроплаты за работы МТС в количестве 92.7 тыс. ц. (см. табл. 3). Цифра вызывает сомнение, поскольку разительно расходится с аналогичными показателями предыдущих и последующих лет, однако никаких объяснительных документов по этому поводу в архивных материалах не обнаружено.

⁵¹ Подсчитано по данным табл. 4.

⁵² Подсчитано по данным годовых отчетов колхозов (ГА РФ, ф. А-310, оп. 1, д. 3443, л. 66; д. 3450, л. 43; д. 3457, л. 52; д. 3468, л. 58).

⁵³ История Марийской АССР. Т. 2: Эпоха социализма (1917–1987). Йошкар-Ола, 1987. С. 186.

© 2010 г. А. Л. КУЗЬМИНЫХ, С. И. СТАРОСТИН*

СПЕЦЛАГЕРЯ ДЛЯ БЫВШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ АРМИИ, НАХОДИВШИХСЯ В ПЛЕНУ И ОКРУЖЕНИИ ПРОТИВНИКА

После нападения фашистской Германии на Советский Союз и оккупации части советской территории германские разведывательные органы начали массовую вербовку агенты и переброску ее через линию фронта в советский тыл. Органами НКВД было установлено, что свои «кадры» абвер вербует из числа пленных красноармейцев. Забрасываемые в советский тыл разведчики и диверсанты получали задание проводить шпионскую и подрывную работу, совершать террористические акты, распространять провокационные и панические слухи¹. Согласно оперативным данным, в подавляющем большинстве случаев немецкая агентура проникала в тыл Красной армии под видом отставших от своих частей военнослужащих, а также лиц, совершивших побег из плена или вышедших из окружения. Имели место случаи, когда немцы переодевали своих агентов в красноармейскую форму, снабжали их поддельными документами и внедряли в части Красной армии.

В целях проверки советских солдат и командиров, задержанных в освобожденных от немцев районах, Государственным комитетом обороны 27 декабря 1941 г. было принято постановление № 1069сс о создании специальных лагерей в системе Народ-

* Кузьминых Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний.

Старостин Сергей Игоревич, заместитель начальника Отдела специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра Управления внутренних дел по Вологодской области.

ного комиссариата внутренних дел. Во исполнение вышеупомянутого постановления НКВД СССР 28 декабря 1941 г. выпустил приказ № 001735 «Об организации специальных лагерей для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника». В числе последних значились Грязовецкий спецлагерь № 150 и Череповецкий спецлагерь № 158, за которыми закреплялось обслуживание Карельского, Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов². Грязовецкий спецлагерь располагался в 7 км к югу от Грязовца, в постройках бывшего Корнильево-Комельского монастыря. Начальником Грязовецкого спецлагеря был назначен капитан госбезопасности А.Ф. Боечин, начальником особого отдела – капитан госбезопасности Д.М. Никитин. Череповецкий спецлагерь дислоцировался в 3 км к юго-востоку от Череповца, около местечка «Макарьина роща» на правом берегу р. Шексны. Начальником лагеря был назначен капитан госбезопасности В.С. Королев, комиссаром – старший майор милиции А.И. Щербаков, начальником особого отдела – капитан госбезопасности Климов.

Спецконтингент поступил в лагеря в конце января 1942 г. В Грязовецком спецлагере военнослужащие РККА были размещены в двухэтажном кирпичном корпусе, четырех деревянных бараках, а также брезентовых палатках, которыми компенсировалась нехватка жилого фонда. В Череповецком спецлагере контингент был расселен в каркасно-засыпных и земляных бараках. Красноармейцы были разделены на сотни, каждая из которых размещалась в отдельном помещении. Командиры располагались на нарах вагонной системы, рядовые – на сплошных нарах. Характерно, что и те, и другие сохраняли право на ношение формы, знаков различия и отличия³.

Условия содержания контингента в специальных лагерях мало отличались от советских исправительно-трудовых учреждений: территория лагеря обносилась высоким забором из колючей проволоки, охрана поручалась конвойным войскам, а обитателям лагерных бараков запрещался выход из зоны, переписка, свидания с родственниками и т.п. На запросы родственников о судьбе этих людей чиновники НКВД отвечали, что сведениями об их местонахождении не располагают⁴. Бывшие красноармейцы получали скудный, малокалорийный паек. Катастрофически не хватало лекарств и перевязочного материала, хотя некоторые из красноармейцев имели ранения. Отсутствовала регулярная санитарная обработка. Следствием были массовые эпидемии. Только в Череповецком спецлагере в I квартале 1942 г. было зафиксировано 77 случаев сыпного тифа, вследствие чего весь лагерь был переведен на карантин⁵.

Особые отделы лагерей осуществляли оперативно-следственные мероприятия, направленные на выявление среди советских бойцов и командиров немецко-фашистской агентуры и прочего «антисоветского элемента». На каждого содержащегося в спецлагере военнослужащего заводилось учетное дело, состоявшее из опросного листа и материалов агентурно-оперативной и следственной проверки. В учетной документации фиксировались установочные данные на проверяемого, номер воинской части, в которой он служил до момента пленения, обстоятельства, при которых он попал в плен или окружение, данные о его поведении в плену. Лицу, вызываемому на допрос, по ходу беседы задавался вопрос: известны ли ему какие-либо факты «антисоветского поведения» со стороны его сослуживцев. Все показания тщательно фиксировались и сверялись друг с другом с целью выявления противоречий и недостоверных сведений⁶.

Среди спецконтингента оперработники формировали агентурно-осведомительную сеть. Негласный аппарат Череповецкого спецлагеря насчитывал 186 человек, в том числе 2 резидентов, 11 агентов и 173 осведомителя⁷. Опыт показывал, что использование специальных методов значительно повышало эффективность работы по выявлению «преступно-изменнического элемента». С помощью агентуры в лагере были выявлены 324 человека, подозреваемых в совершении различных преступлений. Из них 263 человека были уличены в измене Родине, 33 – в шпионаже, 28 – в проведении антисоветской пропаганды и агитации⁸.

Особым отделом Череповецкого спецлагеря было заведено 10 агентурных дел на 77 человек. Приведем наиболее характерные из них. По агентурному делу «Недоволь-

ные» проходили 3 красноармейца, которые сами сдались в плен к немцам, поступили в добровольческий батальон СС, участвовали в проведении карательных акций. Агентурное дело «Украинцы» было заведено на 4 красноармейцев, которые во время нахождения в немецких лагерях для военнопленных активно занимались антисоветской агитацией. По агентурному делу «Окруженцы» проходили 2 офицера и 3 красноармейца, работавшие в качестве охранников у немецкого командования. В агентурном деле «Воловцы» фигурировали 10 советских бойцов, которые с приближением немецких войск дезертировали из своих частей и проживали на оккупированной территории. По агентурному делу «Каратели» разрабатывались 16 человек, добровольно поступивших на службу в немецкую полицию и занимавшихся выявлением коммунистов и партизан среди местного населения. По агентурному делу «Ильинские предатели» проходили 20 человек, которые служили в немецкой полиции, грабили местное население и боролись с партизанами. Наконец, агентурное дело «Белоповязочники» было заведено на 7 военнослужащих РККА, которые служили в немецкой армии, несли караульную службу по охране железнодорожных мостов, а также участвовали в карательных экспедициях по борьбе с партизанами⁹.

В процессе фильтрации также выявлялись лица, завербованные германской разведкой. Так, в процессе оперативной разработки было установлено, что бывший красноармеец Иванов во время пребывания в лагере военнопленных в Старой Руссе был завербован немецкой разведкой. После этого он получил задание перейти линию фронта и собрать информацию о расположении советских воинских частей, складов, аэродромов, оборонных заводов¹⁰. Всего, по полученным оперативниками данным была установлена дислокация 20 немецких разведывательных школ, резидентур и явочных пунктов.

На качестве оперативно-следственной работы первое время негативно сказывалась нехватка оперсостава. По состоянию на 1 февраля 1942 г. в Череповецком спецлагере на 2130 человек приходились 2 оперработника – старший оперуполномоченный и следователь¹¹.

11 марта 1942 г. в Управление НКВД по Вологодской обл. поступила директива наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии о скорейшем завершении фильтрации спецконтингента. Начальник областного УНКВД майор госбезопасности Л.Ф. Галкин лично 4 раза выезжал в спецлагеря. В Грязовецкий спецлагерь было командировано 10 дополнительных оперативных сотрудников, в Череповецкий – 15. В итоге, были достигнуты рекордные темпы фильтрации – 150 человек в день. В результате только в апреле 1942 г. в районные военные комиссариаты были переданы более 2200 человек. Военнослужащие, подозреваемые в преступном поведении на вражеской территории, были переведены в отдельные бараки.

Лица, преступную деятельность которых удалось задокументировать, с санкции военного прокурора подвергались аресту и переводились либо в лагерную тюрьму, либо в тюрьмы Вологды и Череповца¹². К примеру, лица, арестованные Особым отделом Череповецкого лагеря (364 человека), были разделены на следующие категории: изменники Родины – 238 человек, агенты германской разведки – 41, полицейские – 34, служившие в карательных отрядах и других немецких частях – 31, немецкие переводчики – 5, совершившие другие преступления – 15¹³. Окончательный вердикт выносили судебные органы. За первое полугодие 1942 г. сотрудники Особого отдела Череповецкого лагеря направили на рассмотрение судебных инстанций 283 следственных дела на 360 человек, в том числе 99 следственных дел (на 122 человека) на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР, 38 (на 48 человек) – Военного трибунала Вологодского гарнизона Архангельского военного округа.

В архиве Управления внутренних дел по Вологодской обл. находятся на хранении несколько десятков следственных дел на военнослужащих РККА, представших перед Военным трибуналом гарнизона Вологды. Из просмотра следственных дел явствует, что большинство красноармейцев привлекались к судебной ответственности за самовольное оставление поля сражения, сдачу в плен, не вызванную боевой об-

становкой, отказ во время боя действовать оружием, т.е. на основании совокупности преступлений, предусмотренных статьями 193-22 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Так, 31 июля 1942 г. особым отделом НКВД Грязовецкого лагеря был арестован красноармеец Кузьмин. Следствие установило, что Кузьмин, находясь в составе 175-го стрелкового полка 1-й Московской Пролетарской дивизии, 27 июля 1941 г. во время боя с противником в районе Могилева самовольно оставил свое подразделение, бросил личное оружие с боеприпасами и сдался в плен. В сентябре 1941 г. он бежал из лагеря военнопленных к своей семье в д. Зеленый Луг Смоленской обл., где и проживал до января 1942 г. На основании статьи 192-22 военный трибунал приговорил Кузьмина к 10 годам исправительно-трудовых работ с последующим поражением в правах на 3 года¹⁴. Аналогичную статью и меру наказания получили красноармейцы Г.А. Баранов, И.П. Блинов, И.К. Карпов, А.Д. Копылов, А.Ф. Коробкин, А.Н. Никитин, И.М. Мухтаров, Н.В. Репников, Н.М. Тюрин, Я.А. Федорягин¹⁵.

Гораздо суровее советская юстиция была настроена по отношению к совершившим воинские преступления офицерам. Так, в мае 1942 г. перед военным трибуналом предстал комиссар батальона тяжелых танков танковой бригады Макаровский. Следствие установило, что Макаровский, выполняя обязанности начальника эшелона во время следования из пересыльного пункта (ст. Осташково) в Грязовецкий спецлагерь, приказал расстрелять двух военнослужащих, уличенных в совершении квартирной кражи на станции Баталино. Расстрел был произведен без следствия и оформления каких-либо документов. На основании статьи 193-7 б (злоупотребление властью при наличии особо отягчающих обстоятельств) Макаровский был приговорен к расстрелу¹⁶. Крайней форме судебной репрессии, согласно советскому уголовному законодательству, подвергались военнослужащие РККА, самовольно оставившие свою часть или место службы в боевой обстановке (ст. 193-9), нарушившие присягу и изменившие Родине (ст. 58-1). Именно по этим статьям были приговорены к расстрелу бывший командир отделения 38-го мотострелкового батальона Т.Ф. Поддужный, красноармейцы И.И. Андриянов, И.Г. Барбан, Н.В. Боткин, И.И. Зубович, А.И. Казаков, А.Н. Ковалев.

Тем не менее в ряде случаев приговор пересматривался в пользу подсудимых. Так, например 23 августа 1942 г. военный трибунал рассмотрел дело № 2787 по обвинению красноармейца Потоцкого. Следствие установило, что 26 июля 1941 г. в районе Смоленска последний самовольно оставил свою часть и ушел к своим родным в д. Верховье. Проживая на оккупированной немцами территории, Потоцкий получил паспорт и был назначен немцами конюхом в бывшем колхозе. 12 мая 1942 г. при освобождении д. Верховье партизанским отрядом Потоцкий был задержан, передан частям РККА и направлен в спецлагерь № 150. По совокупности совершенных им преступлений военный трибунал приговорил Потоцкого к высшей мере наказания, однако через несколько дней приговор был пересмотрен Военной коллегией Верховного суда СССР, которая заменила расстрел 10 годами исправительно-трудовых лагерей без поражения в правах и конфискации имущества¹⁷.

Заметим, что у военных судей имелась возможность заменить лагерный срок на иную меру наказания, а именно, согласно примечанию к ст. 28-й Уголовного кодекса РСФСР направить военнослужащего на фронт, чтобы тот «искупил вину кровью». Именно об этом идет речь в заключении по делу командира транспортной роты 486-го стрелкового полка младшего лейтенанта И.Н. Александрова (ст. 193-22), подписанном военным прокурором Архангельского военного округа полковником юстиции А. Митиным¹⁸.

Военнослужащие, осужденные Особым совещанием НКВД СССР, направлялись отбывать наказание в северные исправительно-трудовые лагеря. Так, в Воркутинский исправительно-трудовой лагерь были направлены рядовые Д.П. Барабанов, П.Ф. Кабанин, И.Т. Лазарев, П.С. Рябоштан, А.С. Ситников, В.В. Толмачев, А.А. Яхшибеков, старшина А.М. Голомеев, техник-интендант 2-го ранга Д.Я. Гребнев, политрук С.Г. Глухих. Многие из них, отбывая наказание получили второй срок и не дожили до часа своего освобождения. Те же, кто освободился, направлялись в ссылку на по-

селение под надзор органов госбезопасности. Лица, на которых не удалось собрать компрометирующий материал, направлялись в местные военные комиссариаты для передачи в действующие части Красной армии. Вслед за красноармейцем, убывшим в ту или иную часть, направлялось и его учетное дело, которое передавалось на хранение в особый отдел НКВД, обслуживавший данное воинское подразделение.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные данные позволяют говорить о том, что большинство военнослужащих успешно проходили фильтрацию. Всего за время существования Череповецкого спецлагеря через его бараки прошли 5653 человека, из них были переданы в районный военкомат 4077 человек (72.1%), арестованы – 358 (6.3%), умерли – 29 (0.5%), бежали – 4 (0.1%), переданы в Грязовецкий спецлагерь – 1152 (20.4%), оставлены в лагере для выполнения хозяйственных работ – 33 человека (0.6%)¹⁹. Аналогичная ситуация наблюдалась в Грязовецком спецлагере. Так, на 31 марта 1942 г. здесь содержались 3992 военнослужащих, из них прошли фильтрацию 3827 человек (95.8%). Из числа прошедших спецпроверку были арестованы 62 (1.6%), переданы райвоенкомату – 3765 человек (98.4%)²⁰. Всего за период существования Грязовецкого спецлагеря через его бараки прошли 12 687 военнослужащих РККА, в том числе 1152 человека, переведенных из Череповецкого спецлагеря НКВД²¹.

После завершения фильтрации контингента специальные лагеря перепрофилировались в лагеря для содержания иностранных военнопленных. Так, в июне 1942 г. на базе Череповецкого спецлагеря был создан лагерь-распределитель для военнопленных № 158, обслуживавший Карельский и Волховский фронты. Грязовецкий спецлагерь с марта 1943 г. функционировал как лагерь для содержания военнопленных офицеров противника.

Примечания

¹ Козин В.В. Подрывная деятельность спецслужб фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западном театре военных действий в годы Великой Отечественной войны и борьба с ней органов госбезопасности // Европейский Север: История и современность: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Петрозаводск, 1990. С. 103.

² Архив Управления внутренних дел по Вологодской области (далее – Архив УВД по ВО), ф. 6, оп. 1, д. 415, л. 274–276; Конасов В.Б., Акинхов Г.А., Сздаков В.В. На стыке фронта и тыла: Материалы к вузовскому и школьному факультативу «Вологодская область в годы Великой Отечественной войны». Вологда, 1999. С. 31–34.

³ РГВА, ф. 1/п, оп. 35а, д. 25, л. 4.

⁴ Архив УВД по ВО, ф. 6, оп. 1, д. 431, л. 12–31; Бичехвост А.Ф. К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных // История пенитенциарной системы России в XX веке: Сборник материалов международного научного семинара. Вологда, 2007. С. 68.

⁵ Архив Управления ФСБ России по Вологодской области (далее – Архив УФСБ РФ по ВО), ф. 3пх, оп. 26, д. 4, л. 132.

⁶ Работа особых отделов НКВД в спецлагерях для бывших военнослужащих РККА, находившихся в плену или окружении противника. М., 1942. С. 4–12.

⁷ Архив УФСБ РФ по ВО, ф. 1пх, оп. 5, п. 2, д. 70, л. 140 об.

⁸ Там же, л. 146 об.

⁹ Там же, л. 141–143.

¹⁰ Там же, ф. 3пх, оп. 26, д. 4, л. 131.

¹¹ Там же, л. 128.

¹² Согласно приказу НКВД СССР № 00176 от 23 января 1942 г. «С объявлением штатов тюрем специальных лагерей НКВД» вместимость данных тюрем составляла от 100 до 200 человек.

¹³ Архив УФСБ РФ по ВО, ф. 1 пх, оп. 5. П. 2, д. 70, л. 149–149 об.

¹⁴ Архив УВД по ВО, ф. 21, оп. 3, д. 2163, л. 2–2 об., 8.

¹⁵ Там же, д. 2169, 2164, 2166, 2171, 2177, 2176, 2174, 2162, 2170, 2178.

¹⁶ Там же, д. 2181, л. 5. В апреле 1942 г. Череповецким спецлагерем было передано на рассмотрение Военного трибунала гарнизона Вологды Архангельского военного округа 15 следственных дел. Военный трибунал приговорил 3 человек к высшей мере наказания, 12 – к

10 годам исправительно-трудовых лагерей. См.: Архив УФСБ РФ по ВО, ф. 3пх, оп. 26, д. 4, л. 135 об.

¹⁷ Архив УВД по ВО, ф. 21, оп. 3, д. 2187, л. 10, 17.

¹⁸ Там же. л. 19.

¹⁹ УФСБ РФ по ВО, ф. 1 пх, оп. 5. П. 2, д. 70, л. 151.

²⁰ Там же, ф. 3пх, оп. 26, д. 4, л. 55.

²¹ РГВА, ф. 1/п, оп. 35а, д. 25, л. 4.

© 2010 г. Л. Н. ПУШКАРЕВ *

ПОБЕДНЫЙ 1945 ГОД ВО ФРОНТОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Каждая историческая эпоха рождает свой фольклор. Создала его и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Тот, кто участвовал в ней, непременно сталкивался с фронтовым фольклором. Я, ушедший на фронт с третьего курса Московского педагогического института им. К. Либкнехта (ныне Московский педагогический государственный университет), оказался в самой гуще солдатской массы. Получив к тому времени начатки высшего филологического образования и увлекшись фольклором, я систематически записывал все, что слышал с целью, как говорят ученые-фольклористы, «наблюдать бытование устного народного творчества в разной обстановке». Так продолжалось всю войну. Для меня она началась в октябре 1941 г. под Москвой и окончилась 9 мая 1945 г. в Германии под Штеттином.

К январю 1945 г. война уже вполне зримо для нас, рядовых бойцов, вошла в свой завершающий этап. К этому времени наша часть в составе 2-го Белорусского фронта вышла на государственную границу СССР. Мы получили очередной приказ: закрепиться на новых позициях. Для солдата это означало – надо выкопать себе спасительный окоп! И вот неожиданно возникла «мода»: бойцы, не сговариваясь, старались разместить каждый свой окоп ближе к старой государственной границе. А комсорг второй роты И.М. Голуб удивил всех: в том месте, где чудом сохранилось обозначение бывшей государственной границы, он разместил окоп так, что половина его приходилась на советскую землю, а другая половина – на территорию Восточной Пруссии! Кем-то тогда же была сочинена и пущена частушка, облетевшая всю роту с необыкновенной быстротой: «Вырыл я себе окоп, / Мне жилье, а фрицу – гроб. / И из этого окопа / Мы пойдем уже в Европу!».

В рамках большой Восточно-Прусской операции, которая продолжалась с 13 января по 23 апреля 1945 г., наша часть прошла буквально через всю Восточную Пруссию по маршруту от реки Буг и далее Цеханце, Млава – Дейч-Эйлан – Мариенбург – Данциг и вышла на побережье Балтийского моря. Многое из того, что мы встретили за рубежом, казалось нам непонятным. Так, столкнувшись с налаженным бытом прусских фермеров, наши бойцы недоумевали: зачем немцы пошли на нашу землю при собственной сытости и благополучии? Ведь они увидели у нас соломенные крыши крестьянских изб вместо крытых черепицей добротных коттеджей, а часто и земляные полы? Но, что показательно: сытый и обеспеченный быт немцев в Пруссии завидным не казался, скорее «чужеродным». Возвращение на родную землю солдатам было дороже всего этого зарубежного благополучия. «На березке есть полоски / И в немецкой стороне. / Только русские березки / Во сто крат дороже мне!» (Записано мною в феврале 1945 г. под Мариенбургом от томича И.В. Семенчихина, 1919 г.р.). Весна 1945 г. в Пруссии была холодной и дождливой, что отразилось в другой частушке от пехотинца-ярославца В.М. Пешкова (1922 г.р.): «Моросят дожди косые / На Штутгартском пути, / Но лучше матушки-России / Во всем свете не найти!».

* Пушкарев Лев Никитич, доктор исторических наук.